ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПОД СЕНЬЮ ЗАКОНА

РУКОВОДИТЕЛЬ КОМИТЕТА ПО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОГО СОЮЗА ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ (РАБОТОДАТЕЛЕЙ)
Владимир Петрович Евтушенков

Российское бизнес-сообщество готовит презентацию Национальной концепции современной промышленной политики. Само это понятие не могло быть вынесено на суд общественности лет пятнадцать назад, когда государство и экономика были единым целым. Оно не могло быть предметом дискуссий даже пять–семь лет назад, когда в российской действительности частный бизнес уже закрепился, но подчинил свой главный интерес исключительно приращиванию собственного капитала. Государство и бизнес сошлись лицом к лицу на излете либеральных реформ. Для «свободного» от государства бизнеса и «свободного» от бизнеса государства стало очевидным – невозможно укрепить национальную экономику и войти в мировое разделение труда без собственного конкурентоспособного продукта. Это стало первой точкой соприкосновения базовых интересов государства и бизнеса, но им еще надлежит найти максимальное согласование.

Спорные цифры

Противоречий в оценке состояния и перспектив российской экономики немало. Как известно, за последние четыре года национальный ВВП вырос почти на треть, что соответствует президентскому курсу его удвоения за десять лет. Правительство заявляет, что в 2003 году прирост ВВП только на 30% обеспечили высокие цены на нефть, все остальное – заслуга собственно экономического фактора – притока инвестиций и роста доходов населения.

Как показывают опросы, эту оптимистическую оценку не разделяют сами промышленники, предлагающие более строго подойти к состоянию обрабатывающего сектора, в том числе

наших «базовых» отраслей – топливной, химической, нефтехимической, лесобумажной промышленности, цветной металлургии. Они, по существу, обрабатывают так же и столько же, что и десятилетие назад: вклад их в прошлогодний прирост ВВП не превысил десятой доли.

Никак не заявляет о себе высокотехнологичный сектор промышленности. Более половины отечественных компаний направляют на исследования менее 1% своего оборота, в то время как в западных странах 15–20%.

Спорно и будущее российской экономики, даже в среднесрочной перспективе. По обновленным прогнозам Минэкономразвития, до 2006 года инвестиции в основной капитал будут расти более быстрыми темпами, чем сама промышленность. То есть промышленность мало интересна капиталу, ищущему свое применение. С учетом того, что промышленность и бизнес – почти идентичные понятия, можно сказать, что бизнес «сам себе не интересен».

В то же время, согласно данным РСПП, по степени концентрации экономики Россия идет впереди США и Европы. На долю 10 российских интегрированных бизнес-групп (ИБГ) в 2003 году пришлось около 40% выпуска промышленной продукции, 20% всех инвестиций в основной капитал, третья часть экспорта и пятая часть налога на прибыль.

Весьма существенно, что ИБГ показывают втрое большую производительность труда, чем в среднем по промышленности. ИБГ частично притормозили движение в Россию зарубежного капитала, фактически взяв на себя роль инвестиционных фондов. Идет активный процесс слияния и укрупнения компаний с целью эффективнее конкурировать на мировом рынке.

Лев изготовился к прыжку, но пока не ясны ни его длина, ни направление, ни срок. Экономика в нынешнем ее качестве не устраивает ни одну из сторон общества. Она не устраивает население, уровень доходов которого пока ниже дореформенного. Не устраивает бизнес, опыт и финансовые ресурсы которого не востребованы. Правительство, в свою очередь, сознает, что ему не войти в глобальную экономику без национального бизнеса.

Резкого «прыжка» не ожидается и со стороны государства. В стране нет видимых предпосылок к жесткому управлению экономикой через такие меры, как бюджетное субсидирование, регулирование цен, внешнеторговый протекционизм и другие (своего рода – «чеболизации»). Государство давно проводит либеральную политику, граничащую с его полным выходом из экономики. В то же время Правительство все чаще заявляет о необходимости разработки мер антисырьевой направленности.

Итог активного диалога Правительства и РСПП последних лет – согласие общими силами проинвентаризировать все, что лежит внутри ТЭК и за его пределами.

Рубль к рублю

Очевидно, что ближайшие пять – десять лет рынок сырья и энергоносителей будет служить «финансовой подушкой» формирования инновационной экономики. Уже есть косвенные признаки наполнения такой «подушки» – через создание стабилизационного фонда, страхующего от падения мировых цен на нефть, через возможные поправки в законодательство, стимулирующие банковский капитал расти втрое быстрее самой экономики, через введение налога на добычу полезных ископаемых. Допустим, что со временем появятся у страны свободные ресурсы, но где и как их применить?

Концепция промышленной политики обозначает проектное направление как безальтернативное. Именно проектный механизм позволяет привести в действие административный, рыночный и технологический ресурсы. При этом имеются в виду два типа инновационных проектов.

Первый – инфраструктурные проекты. Они не обещают больших прибылей частным инвесторам и, скорее всего, обременят бюджет. Но государство обязано быть эффективным собственником в отраслях, создающих условия для работы экономики и жизнедеятельности человека. Это транспорт, энергетика, информационная, образовательная, научно-техническая, социальная и коммунальная сферы. Главным критерием здесь служит эффективность капиталовложений по

отношению не только к инвестору, но и ко всем пользователям проекта. Например, более существенная загрузка БАМа, приносящего в год 3 млрд. рублей убытков, увеличит прибыль не только компаний-операторов, но и компаний – разработчиков недр, вдохнет жизнь в бамовские поселки.

В эффективных инфраструктурных проектах остро нуждается весь энергетический комплекс страны вплоть до ЖКХ. Единица прироста российского ВВП требует энергии в 2–2,5 раза больше, чем сейчас есть у США, Германии, Японии. Нехватка энергии ставит в неконкурентоспособное положение всю отечественную промышленность. В то же время предприятия ТЭК расточают на закупку импортного оборудования, имеющего более дешевые российские аналоги, до 4 млрд. долларов в год.

Неэффективная инфраструктура характерна для «Газпрома» с его растущими издержками на разведку и добычу газа; для нефтяных компаний, испытывающих недостаток инвестиций в разработку месторождений; для «Российских железных дорог», годовая прибыль которых в 100 раз меньше средств, требуемых на обновление подвижного состава и путей.

Промышленная политика в естественных монополиях призвана обеспечить главное – создание конкурентных рынков и снижение стоимости их продукции (услуг).

Инновационные проекты второго типа нацелены на получение продукта с высокой добавленной стоимостью. В них заключен более высокий потенциал прибыльности инвестора.

Прежде всего это создание замкнутых цепочек добавленной стоимости, создающих конкурентоспособный по мировым стандартам наукоемкий продукт. Первые кандидаты в такие цепочки – наши ресурсодобывающие отрасли, испытывающие недостаток современного технологического оборудования и оборотных средств. Известно, что стоимость сырой российской нефти, переработанной за границей, возрастает в 6–10 раз, алмазов – в 6–12 раз, древесины – в 4–6 раз.

Инновационные проекты предназначены не только для «внутреннего пользования». Встраивание в международные цепочки добавленной стоимости с участием зарубежных ТНК помогло бы подняться тем отечественным производствам, которые в силу разных обстоятельств оказались аутсайдерами на рынке. Пример тому – российский автопром с его критической массой проблем неконкурентоспособности. Создание СП с ведущими автомобильными компаниями мира позволило предприятиям и КБ отрасли найти свою нишу в международной производственной кооперации.

Любые создаваемые в России цепочки добавленной стоимости оставляют неизменным ее стратегический приоритет – повышение конкурентоспособности продукции.

Промышленная политика в принципе носит надотраслевой характер, и все же стоит заметить, что российские отрасли среднего и высокого передела явно недооценены. Отечественному машиностроению и металлообработке принадлежат три четверти экспорта всех технологий России, химической и нефтехимической промышленности – пятая часть. Сопоставление их с сырьевыми гигантами, чем часто увлечены рейтинговые агентства, не слишком корректно.

Без индустриального фундамента не построить здание высокотехнологичной экономики. Отыскать, а не заработать средства на ее нужды нельзя даже с помощью пресловутой природной ренты. Страна должна иметь продукт, адекватный по ресурсам для технологического прорыва. Но последние два года заметно охлаждение интереса крупных ИБГ к вложению активов в профильные цепочки добавленной стоимости. Сегодняшняя прибыль им дороже журавля в небе.

«Объективные» победители

Ненадежность государства как партнера – фундаментальная причина, по которой бизнес сторонится долгосрочных и, как правило, дорогостоящих инновационных проектов.

Сегодня любой реализуемый высокотехнологичный проект может быть остановлен на полпути. С произвольным решением чиновника, владеющего ресурсами, рухнут все кредитные, таможенные, тарифные и другие послабления инвестору. Скажем, судьба алюминиевого проекта с его чрезвычайно высоким уровнем энергопотребления полностью находится в руках региональной тарифной комиссии. Устранить субъективизм решений (лоббизм, кумовство, коррупция) –

одна из основных задач промышленной политики, которая должна найти формальное отражение в соответствующем федеральном законе (законе «О поддержке конкурентоспособности субъектов экономической деятельности РФ»). Нетрудно предположить, что уже на стадии концептуального обсуждения этот закон разведет экономическую элиту на сторонников и противников, поскольку он призван регулировать главную составляющую промышленной политики – ресурсы.

Закону, в частности, могут быть противопоставлены действующие в отношении ряда отраслей и территорий федеральные целевые программы (ФЦП). Несмотря на сокращение их числа после 2000 года с 170 до 52, объем выделяемых средств, наоборот, вырос с 50 до 160 млрд. рублей. Эффективность ФЦП с точки зрения создания добавочной стоимости – почти нулевая. Но, видимо, эти программы еще недостаточно скомпрометировали себя – Минэкономразвития планирует в перспективе довести долю программно-целевых расходов бюджета до 35–40%.

Государство плохо выбирает «победителей» и тем самым ослабляет конкурентоспособность экономики. К такому выводу на основе многолетнего взаимодействия с бизнесом пришел Генеральный директорат по предпринимательству ЕС. Как признают европейские коллеги, раньше в стратегии промышленной политики ЕС доминировали выборы и поддержка «перспективных» отраслей. Но оказалось, что бизнес делает это гораздо эффективнее. Задача состоит в создании среды, которая позволяет компаниям полнее использовать свои конкурентные преимущества.

Формирование качественной бизнес-среды, согласно практике ЕС, предполагает четкое обозначение ролей государства и бизнеса. Регулирующие инстанции, которые, например, определяют критерии производственной безопасности и стандарты качества продукции, не принимают технических решений, передавая эту функцию бизнесу.

Конечно, на этапе отбора кандидатов в «победители» субъективизм неизбежен со стороны как госчиновника, так и представителя бизнеса. Но с началом реализации той или иной программы промышленной политики должно действовать не «мнение», а закон. Это – несговорчивое и неподкупное средство *объективного контроля.* Например, если мы хотим на 1 рубль вложенных средств не позднее трех лет получить ежегодный прирост объема реализации продукции в 5 раз выше, чем бюджетные вложения в проект, эти параметры нельзя истолковать иначе. Закону о промышленной политике по силам устранить субъективные препятствия в контрольно-разрешительной, антимонопольной, таможенной, налоговой сферах.

В заключение отметим, что текущая аналитика часто ставит экономический рост России в чересчур прямую зависимость от внешних обстоятельств – таких, как цена на нефть («фактор Ирака»), возможность вступления в ВТО, рейтинги по мировым агентствам. В широком смысле слова рейтинг России всегда высок, он заключен в ее главном ресурсе – территории. Нам принадлежит треть мирового запаса природного газа, одна четвертая часть древесины, второе место в мире по запасам водных ресурсов, пашни и пастбищ. Запасы нефти на душу населения в 6 раз больше, чем во всем остальном мире. Россия значима для мирового сообщества минимум как держава, стабилизирующая окружающую среду. И предстоит научиться работать с этим богатством.